

— Ваньвань? Ваньвань! Скорее просыпайся, церемония для первокурсников же! Мы сидим на самом видном месте, прекращай спать! Куратор уже раз пять в нашу сторону посмотрел!

В ушах раздался приглушенный, но по-прежнему звонкий и сладкий женский голос, в котором сквозило беспокойство.

Цзян Ваньвань очнулась от яростной тряски. Голос казался чужим — ни одна из девушек из ее рабочей группы так не звучала.

В тот самый миг, когда к ней возвращалось сознание, на нее навалились оцепенение в затылке и тупая боль в висках — точь-в-точь состояние после трех суток непрерывных переработок.

Мысленно она выругалась: какой бессовестный коллега так ее трясет? Разве он не знает, что драгоценное рабочее время для отлынивания... то есть драгоценные минуты на досып ценнее жизни?

С трудом разлепив веки, словно склеенные суперклеем, она сквозь пелену увидела увеличенное донельзя, потрясающе красивое лицо: белая кожа, большие круглые глаза, длинные респы хлопают туда-сюда — на нее смотрели с неподдельным участием.

— Ты кто? — вырвалось у нее.

Новая стажерка из компании? С такой-то красотой — и в офисный планктон? Почему бы не дебютировать в шоу-бизнесе?

— Ваньвань, ты во сне потеряла рассудок? Я же Чжии, мы на собрании первокурсников.

Красивое лицо приблизилось, и девушка заговорила вполголоса.

Цзян Ваньвань еще не успела ответить, как в следующую секунду в ее сознание ворвались чужие обрывки воспоминаний. Вместе с ними пришли восемнадцать лет жизни другой «Цзян Ваньвань» и...

Сюжет романа о студенческой первой любви, который она вчера перед сном открыла наугад, чтобы быстрее уснуть.

Нежный мед — стандартная студенческая новелла со смесью стекла и сахара. Главная героиня — Линь Чжии, главный герой — Лу Шихань, а в придачу к ним идет недостижимый лунный свет, эталонный красавец факультета Шэнь Яньчжоу, по которому героиня сохнет безответно и который служит лишь для того, чтобы подчеркнуть преданность главного героя и накалить страсти в сюжете.

И она, Цзян Ваньвань, угодила в тело фонового персонажа — соседки по комнате и лучшей подруги главной героини Линь Чжии.

Девушка с самой обычной внешностью, в лучшем случае миловидная, замкнутая. Каждое ее появление сводится либо к лайкам в соцсетях главной героини, либо к роли живой статуэтки в углу на какой-нибудь вечеринке. За всю книгу у нее наберется от силы семь-восемь выходов, а все реплики в сумме не дотянут и до двухсот слов.

Чистокровная статистка.

— Ссс... — Цзян Ваньвань судорожно втянула воздух. На этот раз не от боли, а от испуга.

— Ты в порядке? Тебе плохо? — Лицо перед ней качнулось еще ближе. Это была не кто иной, как героиня оригинала Линь Чжии, и сейчас на ее лице читалась искренняя тревога.

Цзян Ваньвань моргнула, медленно обведя взглядом окрестности.

Огромный актовый зал университета был битком набит плотной массой радостных, излучающих молодость лиц первокурсников. Слепящий свет бил сверху.

Над сценой висел красный кумачовый плакат с надписью: «Церемония поступления первокурсников XX университета 20XX года».

Никакого тебе офиса, пропахшего кофе и тревожностью, с треском стучащих клавиатур.

Она, двадцати пяти лет от роду офисная трудяга, чья душа едва не покинула тело под гнетом планов KPI и ипотеки, угодила в попаданцы.

И превратилась в полную тезку, первокурсницу-статистку?

— В-все в порядке. Я просто заспалась, — услышала Цзян Ваньвань собственный суховатый голос.

В нем звучала сонная хрипотца и едва заметная дрожь...

Боже правый, она почему-то слегка возбуждена, что с этим делать?

Кто бы не радовался, внезапно помолодев на семь лет?

Заметив, что она больше не клюет носом, книжная героиня Линь Чжили успокоилась. Их места находились прямо за рядами преподавателей, за ними вечно присматривали, но сейчас куратор отвернулся и больше не сверлил их взглядом.

Линь Чжили с облегчением выдохнула, протянула ей салфетку и шепнула:

— Вытрись, ты тут слюнки пустила.

— ... — Цзян Ваньвань молча взяла платок и с оцепенением в душе вытерла уголок рта. И правда, слюна.

Пока она, опустив голову, вытирала губы, ровный гул голосов в зале внезапно оборвался, будто кто-то нажал кнопку беззвучного режима.

Цзян Ваньвань невольно подняла голову.

Сбоку от сцены из-за кулисы вышел парень.

На нем была простая белая рубашка, верхняя пуговица аккуратно застегнута, манжеты ровно закатаны чуть выше запястий.

Но даже в этом самом обычном наряде студента-представителя он выглядел так, будто демонстрирует вещи люксового бренда.

Сценический софит сверху упал ровно на него, очертив его силуэт контровым светом в мягкую золотистую рамку.

Прямая линия плеч, ровная спина, каждый шаг уверен и нетороплив. Он подошел к центру трибуны, безупречным, плавным движением отрегулировал высоту микрофона без единого лишнего жеста.

Затем он чуть приподнял глаза и окинул взглядом зал.

Цзян Ваньвань разглядела его лицо.

В тот же миг до ее слуха донеслись со всех сторон сдавленные, судорожные вздохи.

Точь-в-точь как в преувеличенных описаниях из романов: какая-то девчонка на первом ряду не удержала телефон, и тот с громким стуком шмякнулся на пол, но она даже не попыталась его поднять.

Его черты лица обладали потрясающей, пронзительной утонченностью: высокие и четко очерченные надбровные дуги, прямая переносица, чистая и резкая линия подбородка — каждый изгиб был безупречен.

Но страшнее всего были его глаза.

Удлиненный разрез, едва вздернутые уголки глаз, очень темные радужки, похожие на погруженные в чернила холодные омуты. От его взгляда веяло абсолютным холодом, однако отвести от него глаза было невозможно.

Тонкие, бледноватые губы были слегка сжаты, являя миру врожденную отстраненность.

В этой убийственной красоте сквозила ледяная недоступность, словно от нетающих вечных снегов на вершине гор: вроде бы рукой подать, а всё равно кажется недостижимым.

Во всем огромном зале на несколько тысяч человек воцарилась такая тишина, что было слышно, как гудит кондиционер.

Все смотрели на парня в белой рубашке на сцене. Он произнес какую-то фразу, и его чистый, низкий голос полился из микрофона, чеканно и четко выговаривая каждый слог.

Однако Цзян Ваньвань совершенно не вникала в смысл сказанного, потому что реакция сидевшей рядом Линь Чжии оказалась чересчур бурной.

Та затаила дыхание, широко распахнула глаза, слегка приоткрыла рот, а ее щеки залил видимый невооруженным глазом румянец, стремительно расползавшийся от мочек ушей до самой шеи. Цзян Ваньвань всерьез опасалась, что та сейчас упадет в обморок от удушья.

<http://bllate.org/book/19357/1892511>